

нормативных правовых актов, регламентирующих осуществление и поддержку инновационной деятельности, с научной общественностью, привлечение ученых к участию в данном процессе способны существенно повысить как качество работы по подготовке проектов обозначенных нормативных правовых актов, так и качество конечного результата, получаемого на выходе, — национального инновационного законодательства [3].

Аналогичным образом можно говорить о повышении качества отечественного законодательства, регламентирующего процессы создания и внедрения инноваций, эффективности реализации инновационной функции действующим в стране правом, за счет активного использования соответствующего зарубежного опыта, перенесения на национальную почву передовых достижений юридической науки и практики иных государств мира, касающихся проблемы поддержки инновационной деятельности.

Литература

1. Степаненко, Д.М. Инновационная функция права / Д.М. Степаненко. — М.: Интеграция, 2012. — 252 с.
2. Степаненко, Д.М. Инновационная функция права: понятие и основные характеристики / Д.М. Степаненко // Евразийский юридический журнал. — 2011. — № 8. — С. 68–73.
3. Степаненко, Д.М. Структура инновационной функции права / Д.М. Степаненко // Право и государство: теория и практика. — 2014. — № 12. — С. 11–15.

О путях унификации административно-деликтного законодательства Беларуси и России

Т.В. Телятицкая,

Минский университет управления, г. Минск, Беларусь,

tvt@tut.by

Формирование Союзного государства Беларуси и России предполагает сближение законодательства двух стран, в том числе административно-деликтного.

В настоящее время в обеих странах принято новое законодательство об административных правонарушениях: в России новый Кодекс об административных правонарушениях действует с 1 июля 2002 года [1], в Республике Беларусь аналогичный акт вступил в силу с 1 марта 2007 года [2]. Следует заметить, что названные Кодексы имеют как общее, так и существенные различия в плане регулирования мер административной ответственности.

Одной из новелл Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях является введение нового термина «административные наказания». В Кодексе РСФСР об административных правонарушениях меры административной ответственности именовались «административными взысканиями».

Анализ современной российской административно-правовой литературы позволяет выделить два прямо противоположных подхода к пониманию сущности данного термина.

Некоторые российские ученые безоговорочно поддерживают появление в действующем КоАП административных наказаний (А.П. Шергин, Ю.С. Адушкин). Другие же высказывают сомнения в правильности замены «административных взысканий» на «административные наказания» (В.Д. Сорокин).

Представляется, что изменение названия мер административной ответственности является недостаточно продуманным. Отказавшись от термина «административные взыскания», законодатель, тем не менее, в Трудовом кодексе Российской Федерации предусмотрел дисциплинарные взыскания, а не дисциплинарные наказания. Налицо двойной стандарт в названии мер различных видов юридической ответственности: уголовные наказания, административные наказания, но дисциплинарные взыскания.

По нашему мнению, термин «наказание» применим только в сфере уголовного законодательства, где лицо претерпевает какие-то достаточно серьезные лишения. Но вряд ли вынесение предупреждения правонарушителю можно назвать «наказанием». Кстати, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях меры административной ответственности традиционно называет административными взысканиями, что вполне логично.

Общим для Кодексов двух стран является то, что меры административной ответственности делятся на основные и дополнительные. Следует отметить, что перечни основных и дополнительных мер административной ответственности не тождественны.

Согласно ч. 1. ст. 3.3 КоАП РФ предупреждение, административный штраф, лишение специального права, предоставленного физическому лицу, за исключением права управления транспортным средством, административный арест, дисквалификация, административное приостановление деятельности и обязательные работы могут устанавливаться и применяться только в качестве основных административных наказаний.

КоАП Республики Беларусь к основным административным взысканиям относит предупреждение, штраф, исправительные работы и административный арест (п. 1 ст. 6.3).

Дополнительные меры административной ответственности в законодательстве России и Беларуси также регулируются по-разному. Новеллой КоАП Беларуси в отличие от КоАП России является то, что в нем предусмотрены взыскания, которые могут применяться только как дополнительные. Это: конфискация и взыскание стоимости.

В то же время в обоих Кодексах закреплены меры административной ответственности, которые могут применяться в качестве как основных, так и дополнительных.

По нашему мнению, заслуживает внимания стремление белорусского законодателя выделить в самостоятельную группу взыскания, которые могут применяться исключительно в качестве дополнительных. Целесообразно и в КоАП РФ предусмотреть административные наказания, которые могли бы применяться только в качестве дополнительных. Одним из таких наказаний могла бы быть конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения.

КоАП РФ и КоАП Беларуси устанавливают некоторые общие меры административной ответственности, регулирование которых, однако, имеет свою специфику. Так, наиболее распространенная мера административной ответственности — штраф — в КоАП РФ, по нашему мнению, сформулирована более удачно «административный штраф». Тем самым законодатель четко разграничил административный штраф и штраф как меру уголовного наказания.

Лишение специального права КоАП России рассматривает только в качестве основного взыскания. Здесь подход белорусского законодателя представляется более удачным, где данная мера может быть как основным, так и дополнительным взысканием.

И еще один момент, связанный с лишением специального права. В КоАП РФ названы два вида специального права: управление транспортным средством и право охоты. Белорусским законодателем в ст. 6.8 КоАП указан лишь один вид специального права — управление транспортным средством. Однако в Особенной части КоАП в ч. 1 ст. 15.37 за нарушение правил охоты в качестве одной из санкций предусмотрено лишение специального права. Указанная норма нам представляется далекой от совершенства по следующим основаниям. Во-первых, ч. 1 ст. 15.37 КоАП не конкретизирует вид специального права, а говорит о специальном праве вообще, что не может не вызывать возражений. Во-вторых, не указан срок лишения специального права. На наш взгляд, в КоАП Беларуси следовало бы внести уточнения: в ст. 6.8 КоАП указать еще один вид специального права — право охоты. Изменения необходимы и в ч. 1 ст. 15.37 КоАП, где целесообразно конкретизировать вид специального права и указать срок его лишения.

Общей мерой административной ответственности является также конфискация. Однако предмет конфискации различен. В соответствии с КоАП Российской Федерации предметом конфискации является орудие совершения или предмет административного правонарушения. В белорусском законодательстве в этот перечень включен еще и доход, полученный в результате противоправной деятельности, что представляется недостаточно оправданным, так как традиционно предметом конфискации являются вещи. В КоАП Беларуси включено также понятие «специальная конфискация» (т.е. конфискация вещей, изъятых из оборота, и т.п.), что также вызывает возражения. Однако специальная конфискация применяется независимо от назначения взыскания. Следовательно, вряд ли ее можно отнести к взысканиям.

Оба Кодекса предусматривают в качестве самой строгой меры административной ответственности административный арест. Общий его срок — 15 суток — совпадает. Однако КоАП РФ предусматривает еще один срок административного ареста — 30 суток, который применяется за нарушение режима чрезвычайного положения в зоне проведения контртеррористической операции. А белорусское законодательство содержит более широкий перечень лиц, к которым данная мера не применяется, что представляется более разумным и, главное, гуманным. Имеются некоторые различия и в ряде других взысканий.

Как видно, одни подходы более разумны в российском кодексе, другие — в белорусском. Это свидетельствует о том, что требуется основательный анализ обоих кодексов с тем, чтобы в перспективе создать унифицированный законодательный акт об административ-

ной ответственности, а возможно, и Модельный кодекс стран СНГ об административных правонарушениях.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, 30 дек. 2001 г., № 195-ФЗ : в ред. от 12.02.2015 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.consultant.ru/popular/koap/#info>. — Дата доступа : 25.02.2015.
2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях, 21 апр. 2003 г., № 194-З : в ред. от 05.01.2015 г. // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2015.

Охрана и защита государственной собственности как элемент конституционно-правового режима

В.И. Ящиковская,

*Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Беларусь,
6088368@mail.ru*

Проблема конституционных деликтов является достаточно новой в науке конституционного права. Одним из первых, кто исследовал институт конституционных деликтов, был В.О. Лучин. Он определяет конституционные деликты как деяния субъекта конституционно-правовых отношений, не отвечающие должному поведению и влекущие за собой применение мер конституционной ответственности [1, с. 12].

Согласно общей теории права, в состав правонарушения входит объект, субъект, объективная и субъективная стороны [2, с. 529].

Применительно к праву государственной собственности под субъектами конституционного деликта можно понимать граждан, государственные органы и должностные лица. Объектом правонарушения можно назвать конституционные отношения собственности.

Объективная сторона конституционного деликта представляет собой действие или бездействие субъектов правоотношения собственности, противоречащее нормам конституционного права. Субъектная сторона — умысел или неосторожность (вина).

Белорусский ученый В.А. Виноградов указывает, что конституционно-правовая ответственность наступает на основе правовых норм за деяния, не соответствующие этим нормам, конкретизируется юрисдикционными актами компетентных органов (инстанциями ответственности), связана с государственно-властным принуждением [3, с. 41].

Конституционным законодательством Республики Беларусь установлен целый перечень мер конституционной ответственности государственных органов и должностных лиц.

Нелегитимные решения органов государственной власти Республики Беларусь не имеют юридической силы и подлежат отмене. Согласно статье 17 Закона Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» местные Советы депутатов в пределах своей компетенции в порядке, установленном законодательством, отменяют не соответствующие законодательству распоряжения председателя Совета депутатов и председателя соответствующего исполкома, решения соответствующего исполкома, решения нижестоящего Совета депутатов и распоряжения его председателя [4].

Важную роль в обеспечении охраны и защиты права государственной собственности и пресечении конституционных деликтов играет Конституционный Суд Республики Беларусь, который дает заключения о соответствии нормативных правовых актов нормам нормативных правовых актов высшей юридической силы.

В соответствии с ч. 2 ст. 94 Конституции Республики Беларусь полномочия Палаты представителей либо Совета Республики могут быть досрочно прекращены на основании заключения Конституционного Суда в случае систематического или грубого нарушения палатами Парламента Конституции [5].

Согласно пункту 1 Декрета Президента Республики Беларусь от 26 июня 2008 г. № 14 «О некоторых мерах по совершенствованию деятельности Конституционного Суда Республики Беларусь» Конституционный Суд Республики Беларусь осуществляет обязательный предварительный контроль конституционности всех законов до их подписания Президентом Республики Беларусь [6]. Порядок рассмотрения дел о конституционности нормативных правовых актов установлен Законом Республики Беларусь от 8 января 2014 г. «О конституционном судопроизводстве» [7].